БЕЛАРУСКІ КАЛЕГІЮМ

Belarusian Collegium

HOMO HISTORICUS 2016

The Annual of Anthropological History

Edited by Aliaksandr Smalianchuk,
Doctor in History

БЕЛАРУСКІ КАЛЕГІЮМ
Беларускі калегіум

HOMO HISTORICUS 2016

Гадавік антрапалагічнай гісторыі

Пад рэдакцыяй
доктара гістарычных навук Аляксандра Смаленчука

ISSN 2424-5216
ISSN 2424-5224 (Online)

Рэдактар
доктар гістарычных навук Аляксандр Смалянчук

Рэцэнзенты:
доктар гістарычных навук Захар Шыбека, Універсітэт у Тэль-Авіве;
доктар Рымантас Мікніс, Інстытут гісторыі Літвы (Вільня);
доктар гістарычных навук Аляксандр Краўцэвіч, Варшаўскі ўніверсітэт;
доктар хабілітаваны Ганна Энгелькінг, Інстытут славістыкі
Польскай акадэміі навук (Варшава)

Homo Historicus 2016. Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад. рэд. Аляксандра Смаленчука. – Вільня: Беларускі калегіум, 2016. – 222 с.

Homo Historicus 2016 працягвае традыцыі трох першых тамоў (2008, 2009 і 2012 гг.) з іх арыентацыяй на пашырэнне антрапалагічнага стылю мыслення ў аналізе мінулага. Большасць апублікаваных матэрыялаў датычыць феномену памяці ў самым шырокім яго разуменні.

ISSN 2424-5216
ISSN 2424-5224 (Online)

"ОПЕРАЦИЯ 1005" В БЕЛАРУСИ. 1942–1944 гг. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ[1]

Леонид Смиловицкий
PhD (Тель-Авив)

Summary

The article is devoted to the little-studied topic of concealing the traces of Nazi mass crimes on the territory of Belarus, in the period from the spring of 1942 to the liberation of the republic in the summer of 1944. "Operation 1005" is the code name of a top-secret large-scale operation, carried out by Nazi Germany in order to hide the traces of mass killings committed in Europe during World War II. Citing numerous examples of the cities, regions and areas of Belarus, the author reveals the mechanism used by the Nazis for concealing the consequences of mass murders, names the initiators of these crimes, the executioners and their accomplices. The article has been written on the basis of documentary materials found in various archives, which have been supplemented by the testimony of witnesses of those events, that allowed the author to show the general and the particular, and to draw the necessary conclusions.

В годы Второй мировой войны на территории Беларуси (в современных границах) нацисты организовали свыше 260 мест принудительного содержания военнопленных и гражданского населения: концентрационные, трудовые и пересыльные лагеря СС и СД, тюрьмы, штрафные, женские и детские колонии[2]. Еврейское население республики было изолировано в больших и малых гетто (свыше 300), которые были обречены. По приблизительным оценкам, в

лагерях смерти и гетто Беларуси из 10 млн довоенного населения республики погибло свыше полутора миллиона мирных граждан и около 800 тыс. военнопленных Красной Армии[3].

Программа массового уничтожения была хорошо продумана, организована и носила плановый характер. Советская историография традиционно объясняла эту политику Берлина исключительно как абсурдную и античеловечную, называя ее «кровожадной» и «людоедской». В действительности нацистское руководство добивалось при помощи жестокости определенных практических целей, а именно беспрекословного исполнения приказов, наказания несогласных, предотвращения очагов сопротивления в своем тылу, лишения источников снабжения и поддержки партизан, а не только устрашения и возмездия.

Поголовному уничтожению подлежало исключительно еврейское население республики[4]. Однако и для славян немецкая оккупация не была ни «раем», ни освобождением. При этом на территории генерального округа “Белорутéния” (нем. *Generalbezirk Weißruthenien*), которым руководил гауляйтер Вильгельм Кубе, с большими ограничениями и оговорками были открыты учебные заведения (школы и учительские курсы), действовали учреждения религиозного культа (духовные семинарии, церкви, костелы, монастыри), дома культуры, музеи, театр, кино, выпускались газеты и книги, была разрешена частная предпринимательская деятельность. Все это существовало в строгом соответствии с нацистскими установками, направленными на демонстрацию превосходства арийской нации[5].

Это должно было продемонстрировать местному населению несостоятельность «сталинской дружбы народов», представить немецкого солдата как «освободителя» от тирании евреев и коммунистов, а не жестокого и беспощадного палача. Результатом такого подхода стал коллаборационизм, который принял в Беларуси внушительные размеры[6]. Однако коллаборации противостояло движение сопротивления, значение которого по известным причинам советская историография преувеличила, но тем не менее оно было значительным фактором истории оккупации.

Несмотря на семь десятилетий, минувших со времени окончания Второй мировой войны, раскрытие злодеяний против мирного населения на оккупированных территориях сохраняет свою актуальность. В наши дни она приобретает особую значимость в условиях отрицания уроков Второй мировой войны и самой ужасной ее страницы – Катастрофы восточноевропейского еврейства[7].

«Операция 1005», задуманная в Берлине весной 1942 г., представляла собой широкомасштабную долговременную программу по сокрытию следов военных преступлений на востоке. Начальник Главного управления имперской безопасности Германии Рейнхард Гейдрих по поручению рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера возложил непосредственное исполнение «Action 1005» на Пауля Блобеля (Paul Blobel)[8].

Первые документальные подтверждения получали *Армейские комиссии.* Они состояли из офицеров, начиная с командира роты и выше, нескольких военнослужащих, включая рядовых. Комиссии опрашивали местных жителей, описывали факты уничтожения еврейского населения открыто, тогда как в актах, составленных для гражданских властей, евреи чаще именовались “мирными советскими гражданами”. Информация о немецких преступлениях попадала в распоряжение армейского командования непосредственно от советских солдат, первыми вступивших на освобожденную территорию[9]. Возможности Армейских комиссий были ограничены. Они были привязаны к постоянно двигающимся войскам и не могли вести тщательное расследование. Членов комиссий отвлекали на решение боевых задач, а расследование преступлений нацистов для них было делом второстепенным[10].

В задачу комиссий *ЧГК СССР* (представители партийных и советских органов, местного населения под руководством госбезопасности) входило выявление ущерба, нанесённого действиями немецкой стороны, определение количества погибших советских граждан. Они собирали и обобщали данные о местах экзекуций и численности расстрелянных, перепроверяли полученные сведения, вскрывали места захоронений.

Административная переписка разных немецких ведомств сохранилась лишь фрагментарно, и в основном касалась крупных мест заключения. После окончания войны дополнительная информация была получена в ходе подготовки судебных преследований в связи с запросами из-за границы или возбуждения уголовного дела в отношении участников массовых карательных акций.

Свидетельские показания можно условно разделить на две категории:

I. Записанные сразу после освобождения БССР и до начала 1960-х гг. (представляют наибольшую ценность).

II. Поступившие в последние 15–20 лет в Yad Vashem, Holocaust Museum in Washington, Архив аудиодокументов Hebrew University in Jerusalem, Йельский университет, Beit Lokhmei ha-Gettaot, Фонд Спилберга, Claims Conference (требуют дополнительной проверки).

Поле «деятельности» для осуществления «Операции 1005» в Беларуси было очень широким. Наиболее крупные массовые захоронения жертв нацистского геноцида находились вблизи лагерей советских военнопленных в Бобруйске (50 тыс. погибших), у д. Березино Минской обл. (27 тыс.), у д. Колбасино Гродненского района (18 тыс.). В Барановичском районе Брестской обл. – у д. Колдычево (22 тыс.) и железнодорожной станции «Лесная» (89 тыс.). В окрестностях Могилева – у д. Лупалово (свыше 40 тыс.), в Молодечно (33 тыс.), у д. Масюковщина Минского района (80 тыс.), на Бронной Горе в Березовском районе Брестской обл. (50 тыс. чел.)[11].

Большинство жертв составляли военнопленные, евреи, советские активисты, партизаны, подпольщики, члены их семей и заложники из мирного населения. Из 1, 4 млн чел., погибших на оккупированной территории Беларуси, свыше 800 тыс. человек составляли евреи. Уже к началу 1942 г. в Беларуси погибло 250 тыс. евреев, в т. ч. 120 тыс. евреев в зоне военной оккупации, 60 тыс. в районах, включенных в рейхскомиссариат «Остланд», 70 тыс. в районах Западной Беларуси, включенных в рейхскомиссариат «Украина», и округе «Белосток». Самые многочисленные жертвы на территории республики понесло еврейство Минска – около 80 тыс. чел. В Белостоке погибло от 43 до 58 тыс., в Пинске – 25 тыс., в Бресте – 22 тыс., в Бобруйске, Витебске, Гродно и Слуцке – по 20 тыс., Лиде – 16 тыс., в Барановичах – 12 тыс., в Могилеве – 10 тыс. евреев[12].

Наибольшая часть белорусских евреев (свыше 500 тыс.) погибла зимой 1942 – осенью 1943 г., когда в массовом порядке проводилась ликвидация гетто в Западной и Центральной Беларуси. С осени 1943 г. до освобождения ее территории в июле 1944 г. нацисты убивали евреев, уцелевших от погромов в гетто и рабочих лагерях. Например, в лагере у д. Колдычево под Барановичами последних узников расстреляли в марте 1944 г. Жертвами карателей стали евреи, скрывавшиеся в лесных семейных лагерях и у партизан – всего 10 тыс. чел.[13]

Территория Беларуси одной из первых в оккупированной Европе была использована нацистами для уничтожения евреев Германии, Австрии, Венгрии, Голландии, Польши, Чехословакии и Франции. С ноября 1941 г. по октябрь 1942 г. из Европы в Минск было депортировано по разным данным от 22 до 35 тыс. евреев, которые почти полностью погибли[14].

В Беларуси к операции по сокрытию следов преступлений приступили осенью 1943 г., когда Пауль Блобель прибыл в Минск и передал руководителю политической полиции и начальнику айнзацгруппы «Б» оберштурмбанфюреру СС Эриху Эрлингеру соответствующие инструкции. Начальник отдела

4-б (по делам евреев и поляков) политической полиции в Минске Герхард Мюллер[15] подготовил первоначальный список мест массовых казней и захоронений убитых, который впоследствии неоднократно дополнялся. Эрлингеру подчинялись районы Восточной Беларуси под управлением военной администрации. В зоне армейского командования ответственным за проведение акции «1005» назначили руководителя айнзацкоманды-8 Фридриха Зеекеля[16].

Зондеркоманда 1005-Центр (Mitte) состояла из сотрудников политической полиции Минска, 30 немецких полицейских и взвода 4-й полицейской бронетанковой роты. Подразделения белорусской полиции, усиленной украинцами и латышами, обеспечивали охрану «объекта» во время сожжения останков расстрелянных людей. Однако вскоре из-за соображений секретности их сменили части политической полиции, в которой служили «фольксдойче» из Венгрии и Румынии. Непосредственное содействие осуществлению операции «1005» на территории Беларуси оказывали гауптштурмбанфюрер СС Георг Хойзер[17], оберштурмбанфюрер Эдуард Штраух[18] и генерал-майор СС Герф Эберхард[19].

Крупнейшим местом массового захоронения на территории Беларуси являлся Тростенец[20]. Он занимает четвертое место в Европе после Освенцима, Майданека и Треблинки. Здесь погибли советские военнопленные, евреи Беларуси и ряда европейских государств, подпольщики и партизаны, мирные жители, арестованные в качестве заложников.

Название «Тростенец» объединяет несколько мест массового уничтожения людей: место расстрелов в урочище Благовщина, концлагерь рядом с деревней Малый Тростенец и место массового сожжения людей в урочище Шашковка[21].

Благовщина

В качестве места массового уничтожения урочище Благовщина было выбрано нацистами осенью 1941 г. Оно находилось на 11-м километре шоссе Минск–Могилев, в 1, 5 км от д. Малый Тростенец. Людей привозили сюда по железной дороге и на грузовых машинах. До последнего момента поддерживалась видимость переселения узников на новое место жительства или работы: переписывались ценные вещи, выдавались квитанции. Расстреливали у заранее приготовленных рвов, трупы утрамбовывали гусеничными тракторами и закапывали [22].

Сформировать команду по уничтожению трупов было поручено капитану войск СС Артуру Гардеру[23]. Он прибыл в Минск осенью 1943 г. в со-

провождении 60 немецких и 30 русских полицейских и 4 переводчиков. С 27 октября по 15 декабря 1943 г. в Благовщине нацисты вскрыли 34 места массового захоронения, чтобы извлечь трупы 150 тыс. чел. Некоторые из могил достигали 50 м в длину.

Акцию поручили команде «1005-Центр», которой руководили Артур Хардер, Фридрих Зеекель и Макс Кранер. Адольф Рюбе[24] осуществлял контроль и руководил рабочей силой. Последний жаловался Гиммлеру, что мусорные ковши экскаваторов были очень неудобны в использовании. Отто Гольдап и Отто Древс отвечали за действия дежурных подразделений из 60 полицейских службы охраны порядка и 40 солдат войск СС из «фольксдойче». Извлечение трупов и их сожжение производила группа заключенных-евреев, присланных из Минска. После побега евреев из Бабьего Яра евреев, занимавшихся аналогичной работой в Тростенце, убили, заменив военнопленными[25].

Заключенные вскрывали могилы, коваными крюками извлекали мертвых, переносили их на самодельных носилках и укладывали для большого костра в штабеля: слой бревен, слой трупов, пока высота не достигала 3–5 м. В каждом штабеле было сложено до 200 тел, которые поливали бензином и другими горючими материалами и поджигали факелами. В отдельных случаях людей сжигали живыми. Рабочие команды состояли, как правило, из 50–100 советских военнопленных. Через определенное время людей, занятых на этих работах, убивали и сжигали, заменяя новыми могильщиками, которые были тоже обречены. Прах дробили на куски молотками и выбрасывали в открытые ямы. К декабрю 1943 г. рвы в Благовщине были заполнены, и нацисты выбрали новое место в полукилометре от лагеря Тростенец, в лесу недалеко от деревни Шашковка[26].

После освобождения Минска на этом месте при вскрытии могил на глубине трех метров обнаружили перегоревшие человеческие кости. Слой пепла составлял от 0,5 до 1 м, под которым стояла темно-бурая жидкость. Вокруг ям было разбросано множество мелких костей, волосы с гребенками, зубные протезы и предметы личного обихода (вилки, ножи, котелки, кошельки, детские игрушки)[27].

Лагерь Тростенец

В начале 1942 г. полиция безопасности и СД на 200 га угодий довоенного колхоза им. Карла Маркса открыли трудовой лагерь для производства продуктов питания и обслуживания подсобного хозяйства. Работала мельница, лесопилка, вспомогательные мастерские. Одновременно лагерь использо-

вался как место физической расправы. Здесь убивали участников Сопротивления, заложников из числа мирных жителей и евреев. Сначала арестованных направляли в тюрьму на ул. Володарского в Минске, потом в концлагерь на ул. Широкая, а оттуда – в Тростенец. С осени 1942 по осень 1943 г. комендантом лагеря Тростенец был Генрих Эйхе[28], которого сменил Ридер (Зайдер)[29].

28–30 июня 1944 г. незадолго до освобождения Минска на территории лагеря и в бывшем колхозном сарае (размером 17х88х3 м) было расстреляно, а затем сожжено 6,5 тыс. чел. Рядом на штабеле бревен осталось 127 не до конца сгоревших тел мужчин, женщин и детей в разной степени обугливания. Среди трупов были найдены остатки немецких зажигательных бомб, которые применялись для усиления температуры горения. Судебно-медицинская экспертиза установила, что в ряде случаев смерть наступила не сразу, живых сжигали вместе с мертвыми[30].

Шашковка

Осенью 1943 г. в окрестностях д. Малый Тростенец нацисты построили печь для сжигания трупов расстрелянных людей. От шоссе Минск–Могилев к месту сожжения была специально проложена дорога, которая имела особый спуск для автомашины. Печь представляла собой вырытую в земле яму размером 9х9 м и 4 м в глубину с отлогим подходом к ней, огороженную колючей проволокой и плотным дощатым забором высотой в три метра. На дне ямы были уложены параллельно шесть рельсов длиной 10 м., поверх рельс – железная решетка[31].

Печь в Тростенце называли «киевской», поскольку она очень напоминала сооружение, построенное в Сырецком лагере Бабьего Яра в северной части Киева, где в августе-сентябре 1943 г. были откопаны и сожжены тысячи трупов, а пепел рассеян. В Минске этот термин впервые услышали от членов украинского полицейского батальона, переброшенного в Тростенец из Киева в мае 1943 г.[32]

Для подвозки дров были мобилизованы крестьяне ряда волостей. Только из урочищ Любавщина и Даниловщина было вывезено 5 тыс. куб. дров, а из бора Апчак – 2 тыс. куб.[33] Команда оцепления была размещена вокруг котлована на расстоянии 100 м от могил. Часовые сменялись регулярно в течение 24 часов, имея потом двое суток отдыха. По свидетельству очевидцев, запах с места сожжения был невыносим[34].

Печь работала ежедневно, узников доставляли в «душегубках», специальных автомашинах, приспособленных для удушения углекислым газом.

Иногда обреченных привозили в открытых машинах с прицепами. Расправа происходила очень быстро. Расстреливали возле печи и внутри нее, в других случаях группы людей взрывали гранатами. Пепел из кремационной печи использовался как удобрение на полях подсобного хозяйства «Тростенец». Всего с октября 1943 г. до лета 1944 г. по данным ЧГК СССР здесь было уничтожено и кремировано не менее 50 тыс. чел. Возле печи были обнаружены бочка и черпак с остатками смолы, одежда, обувь, предметы личного обихода и остатки еды[35].

Кроме Тростенца в районе Минска и его ближайших окрестностей были обнаружены следы расстрелов и сожжения на кладбище военнопленных у деревень Глинище, Тучинка, на хуторе Петрашкевича, в урочищах Уручье, Дрозды, на еврейском кладбище, в парке культуры и отдыха им. Челюскинцев.

В 5 км от Минска, у железной дороги Минск–Молодечно, было найдено 197 могил различных размеров, братских – 35х25 м и единичных – 2,5х1,5 м. Предполагается, что захоронение содержало 80 тыс. замученных пленных и гражданских лиц. Были начаты работы по сожжению трупов, однако полностью уничтожить столь обширное захоронение нацисты не успели.

Хутор Петрашкевича

Было обнаружено 8 ям-могил размером 21х4 м и 5 м в глубину. Перед каждой ямой осталось пепелище диаметром 5–6 м как след сожжения извлеченных из ям трупов весной 1944 г. Были обнаружены залежи пепла, останки обгоревших и обугленных костей, пучки волос, зубные протезы, костыли, мелкие металлические вещи, остатки женской и детской обуви. По приблизительным оценкам, здесь были сожжены 25 тыс. чел.

Дрозды

Урочище находилось северо-восточнее концлагеря у поселка Дрозды. При раскопке траншеи размером 4х2,5х2,5 м на глубине от нескольких метров до полуметра были обнаружены черепа, кости, пепел, остатки горючей смеси и дров. По свидетельским показаниям, сюда для экзекуций из Минска было привезено 10 тыс. чел.

Уручье

Урочище находилось на 9-м км автомагистрали Минск–Москва. Там было обнаружено 10 массовых захоронений (район Корничи болота). Размеры: 8 могил – 21х5 м, 1 могила – 35х6 м и 1 могила – 20х6 м, глубиной от 3 до 5 м. В каждой из могил было сложено 3 продольных ряда трупов в 7 слоев каждый. По данным экспертизы и свидетелей, здесь погибло свыше 30 тыс. чел. Массовые захоронения планировалось уничтожить путем сожжения, но сделать это не успели из-за стремительного наступления Красной Армии[36].

Огромные масштабы работы по выполнению директивы «1005», сжатые сроки, отсутствие необходимого количества исполнителей и охраны требовали совершенствования методов сокрытия преступлений. Одновременно с Тростенцом печи для сожжения трупов были построены в других городах Беларуси.

Одна из первых печей в ноябре 1942 г. была построена в концлагере Колдычево (урочище Лозы) Барановичского района. В ней сожгли 600 трупов заключенных, доставленных из тюрем в Столбцах и Барановичах. Однако устройство печи оказалось не эффективным, сожжение прекратили, печь взорвали, а 6 человек, которые ее обслуживали, расстреляли[37]. Весной 1944 г. в окрестные села были посланы полицейские в поисках печников: прибыли чертежи новой крупной печи для сжигания трупов. Однако приближение линии фронта заставило нацистов прекратить работы. Недостроенная печь была взорвана, а печников (около 20 чел.) расстреляли[38].

В октябре 1943 г. печь была устроена у д. Пашково Могилевского района. Группа заключенных из Могилева выкопала котлованы 8 м в длину и 1 м в ширину и глубину. Два котлована, вырытых параллельно на расстоянии 2 м, пересекались под прямым углом с другой парой таких же котлованов. Получался квадрат. На эту систему котлованов клали в один ряд бревна и жерди, а поверх – колотые дрова. Далее шла прослойка из кусков смолы, смешанной с каменным углем, на которую в один ряд складывались трупы. Штабель достигал 8–10 м высоты, имея до 20 рядов трупов. Работа наверху требовала сноровки, некоторые военнопленные падали, калечили себя, и под видом направления в госпиталь их увозили на расстрел. Печь поджигалась с трех сторон, дрова поливали бензином. Доступ воздуха был свободным, и пламя охватывало штабель быстро.

Пока одни доставали трупы и укладывали их в штабель, другие заготавливали дрова, подвозили бревна и жерди, уголь и смолу из Могилева и близлежащих сел. К работавшим людям не проявлялось никакого снисхождения.

Тех, кто не решался брать в руки разложившийся труп, немцы заставляли ложиться лицом вниз и вдыхать трупный запах 5–10 мин. Часы, золотые протезы, деньги и другие ценности, обнаруженные в земле, рабочие сдавали немцам, за что получали вознаграждение: кусок хлеба, сигарету, кружку кваса, в обед – увеличенную порцию супа.

Всего было устроено пять подобных печей. Когда очередная печь догорала, военнопленные подбирали уцелевшие части костей и дробили кувалдами на деревянном помосте, а затем перемешивали с грунтом. Охрана состояла из 68 немцев, вооруженных автоматами, станковыми пулеметами, розыскными и сторожевыми собаками. По шоссе вблизи места работ могли проезжать только немцы, а случайные прохожие расстреливались и сжигались вместе с выкопанными телами. Кормили рабочих на месте рядом с трупами, руки перед едой не мыли. Начались желудочные заболевания. Больных увозили якобы в госпиталь, но на другой день их замечали в верхних штабелях печей. Так было сожжено 25 тыс. чел.[39]

После проверки методики сокрытия следов массовых преступлений под Минском в районе Тростенца зондеркоманда «1005-Центр» развернула бурную деятельность, двигаясь с запада на восток республики, нигде долго не задерживалась. Опираясь на местные силы тайной полиции и СД, ее члены руководили сожжением тел, передавали свой «опыт» и направлялись к новым массовым захоронениям.

С 16 по 22 декабря 1943 г. зондеркоманда действовала недалеко от Молодечно, уничтожив в огне 2 тыс. трупов. 17–26 января 1944 г. она сожгла еще 5 тыс. трупов в районе Смолевичей, а в начале февраля приступила к «работе» к северу от Минска, где было ликвидировано 20 тыс. тел. 3 апреля 1944 г. зондеркоманда перебазировалась в район Пинска, где получила от СД в свое распоряжение 60 заключенных. Арестанты извлекли из земли и сожгли тела 21 тыс. евреев, расстрелянных здесь в 1941–1943 гг. Затем был район Кобрина (31 мая – 24 июня 1944 г.) и район Слонима (25 июня – 5 июля 1944 г.). Занятых в акции советских военнопленных умертвили и сожгли по окончанию работ[40]. В районе Орши и Борисова из могил были извлечены и сожжены тела около 6 тыс. евреев. В районе Бобруйска трупы сжигали в конце 1943 – начале 1944 г.[41]

Зондеркоманда-8 начала действовать в октябре 1943 г. Для сожжения трупов был образован специальный отряд из 68 немцев и 280 заключенных. С 20 октября в 12 км к северу от Гомеля было уничтожено 3,5 тыс. трупов, включая не менее 1 тыс. трупов евреев. 26 октября отряд был уже в Озаричах к западу от Гомеля и за пять дней сжег 4 тыс. трупов. В начале ноября

1943 г. отряд слился с основной частью зондеркоманды в д. Полковичи, где сжег около 11 тыс. трупов. После завершения работ заключенных ликвидировали[42].

В начале ноября 1943 г., за две недели до отступления из Брагина, нацисты заставили советских военнопленных и арестованных из числа гражданского населения выкапывать и сжигать трупы убитых. Место сожжения было замаскировано ельником. После окончания работ все, кто принимал в них участие, были расстреляны и сожжены[43].

В Витебске в октябре 1943 г. сжигали трупы евреев из захоронений 1941 г. у реки Илово, в долине Толобаск и других местах[44]. В акции принимали участие комендант полевой комендатуры полковник Биккель, его заместитель майор Рейнгорд, инспектор полевой юстиции Шефран, майор Морендарх. Непосредственное руководство осуществляли обер-лейтенант Зенге, военно-полевой судья Рэч и его заместитель Трейхель[45].

В Западной Беларуси, входившей в Генеральный округ «Белосток», операция «1005» началась весной 1944 г. Начальником зондеркоманды назначили гауптштурмфюрера Вальдемара Махоля. Его отряд состоял из сотрудников тайной полиции, 60 полицейских службы охраны порядка и жандармов. Зондеркоманда занималась уничтожением следов массовых преступлений в Августово, Скиделе и Лунно (4 тыс. трупов)[46].

В апреле 1944 г. зондеркоманда прибыла в район Бреста, где получила в свое распоряжение от СД 100 заключенных. Сожжение трупов начали с Бронной Горы, где в 1941–1943 гг. были расстреляны около 50 тыс. узников гетто Бреста, Пинска, Дрогичина, Иванова, Кобрина, Березы-Картузской, а также узники тюрем из Западной Беларуси других национальностей. Операция продолжалась до середины мая 1944 г.[47]

В окрестностях Гродно, в лагерях военнопленных Колбасино, Кульбаки, Лососно и Фолюш, извлекать и сжигать трупы начали во второй половине мая 1944 г., когда было уничтожено 10 тыс. тел. По свидетельству А. А. Владыкина, *«немцы привезли откуда-то евреев»*[48], которых заставили откапывать человеческие останки и сжигать на кострах. Удушливый трупный запах чувствовался даже в д. Наумовичи (пригород Гродно), откуда был родом свидетель. Когда все было кончено, евреев расстреляли[49].

В самом Гродно для захоронения трупов нацисты использовали крепостные рвы фортификационных сооружений (всего вокруг города было 12 фортов). Летом 1944 г., по свидетельству Тодрика, за две недели до немецкого отступления к форту №2 приехали «большие начальники», которые совещались, а затем стали подвозить на машинах дрова. Место расстрела оцепили

солдаты и усиленно охраняли. Привезли рабочих, могилы вскрыли, вокруг распространился сильный трупный запах. Тела укладывали штабелями по 3–7 рядов, перекладывали соломой и поджигали. Сжигание производилось в течение недели круглые сутки. Пепел просеивали через сито, а могильные холмы равняли граблями. Возле каждого костра было углубление, куда ссыпали человеческий пепел и золу[50].

Поддержку операции «1005» в Гродно обеспечивали уездный комиссар фон Плетц, начальник городского гестапо Эфрелис, начальник тюрьмы Шендель, комендант гетто №1 Визе. Работы по сжиганию трупов шли до 26 июня 1944 г., пока зондеркоманда не вернулась в Белосток, где продолжила свои действия[51].

Секретность и сокрытие следов массовых убийств были в центре внимания нацистского руководства уже в первые месяцы советско-германской войны. Приказ Гиммлера от 12 ноября 1941 г. запрещал вести кино- и фотосъемку казней, а в случае крайней необходимости обязывал хранить записи в архиве. 16 апреля 1942 г. Гейдрих издал дополняющую его директиву, в которой указал, что разрешение на кино- и фотосъемку имеют право выдавать только начальники айнзацкоманд и зондеркоманд, командиры рот войск СС. К подобным материалам следовало относиться как к секрету рейха, и они еще в виде негативов должны передаваться в 4-й отдел РСХА (гестапо)[52]. Эти требования были ужесточены после появления публикаций в советской прессе, а затем и в других странах информации о массовых захоронениях, обнаруженных в районах, освобожденных во время контрнаступления Красной Армии в 1941–1942 гг.[53]

Отряды зондеромонды «1005», отправлявшейся в новые районы, были строго засекречены. Операции именовались условно, чтобы нельзя было угадать предполагаемые действия: «Разравнивание» (Тростенец), «Умиротворение» (Гродно), «Тайная натура» (Орша и Борисов), «Метеосводка» (Рогачев). Большинство распоряжений отдавалось устно, документации не велось.

Именно соображения сверхсекретности заставили нацистов крайне редко пользоваться услугами белорусских, русских или украинских полицейских, которым доверяли находиться только в первой линии оцепления, в 100–200 м. Непосредственно у места извлечения и сожжения трупов находились немецкие полицейские, жандармы или на худший случай «фольксдойче». Если этого нельзя было избежать, то по окончанию работ полицейских-славян ликвидировали. Уничтожались даже случайные свидетели, оказавшиеся поблизости от «раскопок».

Смысл операции акции «1005» держали в тайне до последнего момента даже от немецких военнослужащих. Роттенфюрер СС Эрвин Хансен вспоминал, что осенью 1943 г. недалеко от Рогачева он получил приказ от гауптшарфюрера СС Штертцингера подготовиться к операции «Веттермельдунг» («Метеосводка») без разъяснения, что имеется в виду. Когда Хансен и его солдаты оказались в лесу на небольшой просеке, прилегавшей к еврейскому кладбищу, они увидели большую кучу дров и 20 военнопленных под охраной Рогачевского СД. Только здесь Штертцингер[54] сообщил, что такое «Метеосводка».

По свидетельству Хансена, на лице каждого из его солдат можно было прочесть, что они скорее 10 лет готовы не ездить в отпуск, чем заниматься такой работой. Эсэсовцы образовали ограждение в виде большого круга, чтобы ни один солдат вермахта, полицейский или местный житель не наблюдал за тем, что должно происходить. Когда могилы вскрыли, то запах наводил такой ужас, что стоявшие в оцеплении едва держались на ногах. Пленным, занятым сжиганием трупов, давали водку и папиросы и даже обещали, что отправят на работу в Германию. Оцепление сняли только тогда, когда догорел последний штабель. Пепел погрузили на автомашину и куда-то вывезли. Всех участников акции строго предупредили, чтобы никому и в голову не пришло произносить хоть слово об операции «Метеосводка». Спустя неделю Эрвин Хансен и его отряд принимали участие в новом раскопе и сжигании трупов[55].

Когда не успевали сжечь, то места массовых захоронений тщательно маскировали. В Гродно начиная с весны 1944 г. нацисты приказали срывать надмогильные холмы, высадить на поверхности захоронений цветники и овощные грядки. После освобождения города в тюрьме Гродно по улице Коминтерна на центральном дворе было вскрыто 4 «цветника» размером 5 х10 м. У северной стены тюрьмы грядки картофеля прятали могилы длиной 30 м и шириной 2 м, а у восточной стены – такие же «грядки» по 50 м в длину и 2 м в ширину. Между аптекой и госпиталем могилы были засыпаны мусором. Во дворе тюрьмы убрали булыжник и закопали, а сверху на площади 200 кв. м. посеяли ромашку. Всего там обнаружили останки более 1 000 чел.[56]

В Барановичах в березовой роще Арабовщина на могилах, в которых покоились тысячи расстрелянных, высадили лес. Недалеко от Колдычево (шталаг №337), где канавы, рвы и траншеи были доверху заполнены трупами, выровняли поверхность земли и насыпали ложные одиночные могильные холмики[57].

Сведения об уничтожении нацистами следов своих преступлений систематически поступали в Белорусский штаб партизанского движения (БШПД)

начиная с осени 1943 г. Одно из первых сообщений пришло в октябре 1943 г. Командир Осиповичской военно-оперативной группы Королев докладывал, что в Минске (Тростенец, Красное Урочище, Уручье и других местах) немцы приступили к раскопке мест массовых захоронений и сжиганию трупов[58]. Это подтвердил К. Д. Самущев[59], уточнивший, что сжигаются трупы жертв еврейских погромов: *«Тела обливают неизвестной жидкостью и посыпают порошком, в результате чего они сгорают почти полностью»*[60]. Полученные сведения были немедленно доложены первому секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, наркому госбезопасности Л. Ф. Цанаве, начальнику Разведуправления Красной Армии Ф. Ф. Кузнецову[61], которые переехали в освобожденный Гомель из-под Москвы.

Подобные сигналы приходили из разных концов республики. По данным диверсионной группы из Витебска, с 5 по 12 ноября 1943 г. немецкие власти *«открыли все ямы с трупами»*[62]. В январе 1944 г. в Борисове[63] и Смолевичах они производили раскопку и сжигание трупов людей, расстрелянных в 1941–1942 гг. Для выяснения подробностей в оккупированные Минск и Бобруйск были посланы разведчики с целью захватить одного или двух участников зондеркоманды «1005» [64].

Наиболее частыми и подробными были сообщения из Минска. В апреле 1944 г. по донесению Корешкова[65] в Блогосский лес (Благовщина) с июля по октябрь 1943 г. были вывезены и расстреляны тысячи евреев. В феврале 1944 г. в Тростенце заготовили большие ямы, а с 5 по 10 марта возле них расстреляли и сожгли 15 тыс. беженцев из Смоленской, Курской и других областей: *«…Немцы сжигают трупы, просеивают и закапывают останки»*[66].

Иногда возникали непредвиденные ситуации. Весной 1942 г. в Рогачеве на месте массового захоронения размыло ров, где покоилось более 3 тыс. тел. Трупы поплыли по реке Друть. Немцы заставили местных жителей вылавливать их баграми и закапывать заново. В декабре 1943 г. в Рогачеве разложившиеся трупы, скелеты и кости были выкопаны и сложены в штабеля, которые горели в течение трех суток непрерывно. Ко рву никого не допускали. После освобождения Рогачева советскими войсками место пожарища вскрыли (ноябрь-декабрь 1944 г.). Слой пепла составлял 40 см. Тут же находились остатки обожженных костей, мелкие металлические предметы одежды – пряжки от брюк, пуговицы, крючки[67].

Несмотря на строжайшие меры предосторожности, нацисты не сумели полностью избавиться от прямых свидетелей операции «1005»[68]. В ряде мест Украины, Прибалтики и Беларуси евреи, поставленные на работы по ликвидации трупов, совершили ряд дерзких побегов, которые увенчались

успехом. Бегство из Бабьего Яра под Киевом произошло 29 сентября 1943 г., из IX форта в Каунасе – в ночь на 25 декабря, из Понар около Вильнюса – в ночь на 15 апреля 1944 г.[69] Большинство беглецов было убито во время погони, других захватили и замучили. Однако даже малой части живых свидетелей оказалось достаточно, чтобы рассказать правду об акции «1005».

Каждый подобный случай уникален и находится на грани понимания человеческого сознания. Так, весной 1943 г. из Тростенца бежали три человека: еврей Г. М. Кантор[70], один татарин и один русский, работавший возчиком. Однако попытка не удалась, беглецов задержали и нещадно избили. Г. Кантора оставили в живых как искусного механика. В конце июня 1944 г. немцы начали демонтаж лагеря. Прибыли грузовые автомобили, румыны и венгры садились на них и уезжали. Одновременно в поле зрения появились другие машины, которые шли навстречу. Это была команда СД для уничтожения узников. На 15–20 мин. лагерь остался без охраны, и несколько десятков узников бросились за ограждение из колючей проволоки в пшеницу. Там они пролежали до темноты, слышали, как в лагере начался массовый расстрел людей. Ночью бежали в лес в поисках партизан, которых встретили под Новогрудком[71].

В концлагере Тростенец уцелела Степанида Савинская. Она была арестована за связь с партизанами зимой 1944 г. и содержалась в концлагере по ул. Широкой в Минске. 30 июня 1944 г. Савинскую в числе других заключенных отправили на расстрел в Тростенец. В колхозном сарае для просушки сена был сложен огромный штабель из человеческих тел и дров. Заключенным приказали забраться наверх и лечь, потом раздались выстрелы. Эсэсовцы подожгли сарай и бросили несколько гранат. Савинская была легко ранена в голову и решила бежать, рассчитывая, что если убьют, то это лучше, чем умирать в огне. Когда женщина выбиралась из-под трупов, она заметила двух уцелевших мужчин. В этот момент охранник открыл стрельбу, и мужчины погибли. С. Савинская убежала и пряталась в болоте 15 дней, не зная, что Минск уже был освобожден. Первые два дня немцы искали свидетельницу на лодках с собакой. Савинская питалась водорослями и лягушками, сильно «изморилась» и решила покончить с собой. Она сломала иголку и проглотила ее, а когда смерть не наступила, женщина вышла из болота и направилась в Тростенец, где узнала, что немцы бежали. Наступило 16 июля 1944 г.[72]

Чудом остался в живых партизан Степан Пилунов, который стал свидетелем сожжения свыше 30 тыс. трупов в октябре-ноябре 1943 г. в районе Могилева и Гомеля. «Объект», в уничтожении которого он принимал участие,

находился у д. Полыковичи Могилевского района. Из 6 могил предстояло извлечь 11 тыс. трупов. Когда работы были завершены, четырем последним военнопленным нацисты приказали взобраться на верх штабеля. Немцы открыли огонь из автоматов, Степан был легко ранен в голову и притворился мертвым. Эсэсовцы облили штабель бензином и подожгли с трех сторон термитными шашками. Когда они уехали, сторожить горящий штабель остались шофер «душегубки» и часовой. Улучив момент, Пилунов выбрался из-под трупов и бежал к партизанам[73].

В марте 1944 г. из концлагеря Колдычево бежали 100 евреев. 20 человек охранники обнаружили в лесу Арабовщина недалеко от лагеря и застрелили, еще 10 человек поймали, привели в лагерь и забили палками. Трупы сложили в одном месте. После чего выгнали из бараков остальных узников, заставляли пинать трупы ногами и повторять: «Я не побегу!»[74]

Вскоре после освобождения Минска начались поиски виновных для привлечения к ответственности, установления мест массовых захоронений, сбора материалов об уничтожении мирных граждан и военнопленных Красной Армии. Была сформирована бригада следователей и судебно-медицинских экспертов, которая немедленно приступила к раскопкам и исследованию сожженных трупов. Для опроса свидетелей и немецких военнопленных, выявления обстоятельств уничтожения советских людей выделили группу из 12 следственно-прокурорских работников. НКВД БССР получил указание провести подробный опрос людей, работавших в немецких учреждениях, чтобы выявить систему и методы уничтожения советских граждан и конкретных виновных из числа нацистов и их пособников[75].

Материалы и вещественные доказательства, собранные в результате расследования преступлений Команды «1005», были переданы рабочей группе по созданию Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, образованной летом 1944 г.[76]

Юридически неотвратимость возмездия вытекала из Московской Декларации «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства» от 30 октября 1943 г., подписанной руководителями Великобритании, США и СССР[77]. Принципы Декларации были развиты в Потсдамском соглашении держав-победительниц, признаны ООН и подтверждены в качестве принципов международного права. Еще ранее, в ноябре 1942 г., советское государство установило принцип уголовной ответственности для нацистских преступников и их пособников за совершенные злодеяния в виде расстрела или тюремного заключения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. устанавливал порядок суда над военными преступниками

и предусматривал смертную казнь через повешение и ссылку на каторжные работы сроком от 15 до 20 лет[78].

«Операция 1005» нашла освещение в ходе открытых судебных процессов, на которых разбирались злодеяния нацистов. Первый такой процесс состоялся в августе 1943 г. в Краснодаре и в декабре того же года в Харькове и Смоленске. Позднее подобные публичные процессы прошли в Киеве, Риге, Ленинграде, Брянске, Великих Луках и др. городах[79].

В Беларуси первым был судебный процесс в Минске 15–29 января 1946 г. Ежедневно в зале суда присутствовало 300 чел. из разных районов республики, которых доставляли в Минск на автомашинах[80]. В ходе заслушивания 57 свидетелей, изучения письменных показаний и других документов, достоянием гласности стали новые примеры осуществления операции «1005». В качестве вещественного доказательства к следственному делу был приобщен документальный фильм «О зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории Белорусской ССР».

Все обвиняемые апеллировали к тому, что преступные действия, за которые они предстали перед трибуналом, совершались на основании приказов немецкого командования и руководителей германского государства. Однако параграф 47 военно-уголовного кодекса Третьего Рейха гласил, что подчиненный, выполняющий приказ начальника, несет уголовную ответственность только в случае, если ему было известно о преступном характере действия, вызванного этим приказом[81]. Утверждать, что нацисты не ведали, что творили, невозможно. Лучшим подтверждением этого стала сама идея операции «1005». Исходя из этого, суд не признал исполнение приказа как смягчающее обстоятельство, исключающее уголовную ответственность[82].

30 января 1946 г. суд в Минске вынес приговор, по которому 14 обвиняемых были приговорены к смертной казни, а четверо к длительным срокам каторжных работ. Приговор был приведен в исполнение в тот же день на Минском ипподроме в присутствии десятков тысяч человек.

Суд в Минске положил начало судебной практике по применению уголовного законодательства к лицам, виновным в преступлениях против человечества[83]. С 1946 по 1947 г. в республике состоялись судебные процессы над сотрудниками немецких карательных органов и военнослужащими Вермахта. В Витебске было осуждено 10 чел., Бобруйске – 22 чел. и в Гомеле – 16 чел. Всего было предано суду около 3 тыс. чел., включая 20 генералов и старших офицеров[84]. Не избежал этой участи организатор и вдохновитель «Операции 1005» Пауль Блобель, который в апреле 1948 г. на Нюрнбергском процессе был приговорен к высшей мере наказания[85].

Выводы

Беларусь оказалась одним из основных мест проведения «Операции 1005». Территория республики, оккупированная к началу сентября 1941 г., оставалась под немецким контролем до середины лета 1944 г. За это время она покрылась густой сетью многочисленных захоронений сотен тысяч людей, подлежавших ликвидации согласно программе Главного управления имперской безопасности Германии.

В начале осуществления директивы «1005» (апрель 1942 г.) сокрытие следов массовых убийств должно было избавить руководителей Третьего Рейха от ненужной огласки и критики. Исход войны тогда еще был не ясен. Однако конец 1943 г. и наступивший 1944 г. в корне изменили мотивировку ее проведения. Итоги военного противостояния с Красной Армией стали очевидны. Теперь наиболее важным стало избавление от неоспоримых доказательств вины, чтобы избежать ответственности за совершенные преступления против человечества.

Сама идея проведения акции «1005», которой был придан статус государственной секретности, говорит о самонадеянности ее инициаторов. Сроки, масштабы ее осуществления и состав исполнителей указывали на невозможность достигнуть поставленной цели. Несмотря на это, операция началась, используя весь потенциал репрессивного аппарата подавления. Она проводилась исключительно интенсивно, а график осуществления был очень напряженным. Отряды айнзацкоманд должны были передвигаться стремительно из одного региона республики в другой, а костры из человеческих тел гореть круглые сутки.

В Беларуси, две трети территории которой к началу 1944 г. фактически находились под контролем партизан, а сеть коммуникаций противника постоянно подвергалась угрозе нападения, выполнение акции «1005» в полном объеме стало проблематичным. Все усилия, направленные на сохранение тайного характера «мероприятий» по ликвидации сотен тысяч трупов, не увенчались успехом. Наконец, случилось то, чего больше всего опасались нацисты: в живых остались свидетели, непосредственные участники проведения самой акции.

Обширный фактический материал, собранный в Беларуси по следам деятельности команд «1005», был широко использован не только в Нюрнбергском трибунале, но и ряде процессов (открытых и закрытых) над нацистскими преступниками и их пособниками в самой республике. Мы никогда не узнаем точного количества извлеченных из могил и кремированных тел,

как и большинства имен ее исполнителей. Однако важно иное: нацистским преступникам не удалось скрыть следы массовых злодеяний против человечества, что послужит уроком всем, кто пытается отрицать преступный характер нацистского режима.

Примечания

1 Основой статьи стал реферат “Operation 1005 in Belarus: Minsk, Vitebsk, Mogilev, Bobruisk, Borisov, Grodno, Gomel”. International conference “Aktion 1005: Nazi Attempts to Erase the Evidence of Mass Murder in Eastern and Center Europe, 1942–1944, organized by Yahad-In Unum, the University of Paris IV Sorbonne, the US Holocaust Memorial Museum’s Center for Advanced Holocaust Studies and College Bernardine, June 15–16, 2009 in Paris.

2 Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі, 1941–1944 гг. Пад рэд. У. М. Міхнюка. Мінск, 1995. С. 295.

3 Справочник о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированных территориях Беларуси, 1941–1944 гг. Минск, 2001.

4 Smilovitsky L. Holocaust in Belorussia, 1941–1944. Tel Aviv, 2000.

5 Смілавіцкі Л. Невядомыя старонкі беларускай школы. Гады нямецкай акупацыі, 1941–1944 гг. // “Полымя” 1994, № 12. С. 192–198; Также см. материалы тематического номера журнала «ARCHE» (2008, № 5) «Беларусь пад нямецкай акупацыяй».

6 Martin Dean. Collaboration in the Holocaust. Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine, 1941–1944. New York, 2000; Романовский В. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мінск, 1964; Літвін А. Акупацыя Беларуси, 1941–1944 // Пытанні супрацiву і калабарацыі. Мінск, 2000; Романько О. В. Коричневые тени в Полесье. Белоруссия. 1941–1945 гг. Москва, 2008.

7 Отрицание отрицания, или Битва под Аушвицем. Дебаты о демографии и геополитике Холокоста. Сост.: А.Кох, П. Полян. Москва, 2008.

8 *Paul Blobel* (1894–1951) – по образованию архитектор, член НСДАП (1931), штандартенфюрер СС (30 января 1941). Руководил массовым уничтожением мирного населения в Украине, в том числе расстрелами в Бабьем Яру 29–30 сентября 1941 г.

9 Smilovitsky L. Ilya Ehrenburg on the Holocaust of the Jews in Belorussia: Unknown Evidence // East European Jewish Affairs (London). Vol. 29. Nr 1–2, Summer-Winter 1999. P. 61–74.

10 Документы обвиняют. Холокост: свидетельства Красной Армии. Сост. Ф. Д. Свердлов. Москва, 1996.

11 Беларусь в годы Великой Отечественной войны. Под ред. А. Ковалени, А. Литвина, В. Кузьменко и др. Минск: Институт истории НАН РБ, 2005. С. 150–165.

12 Альтман И. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. Москва, 2002. С. 245.

13 Там же. С. 246.

14 Иоффе Э. Белорусские евреи. Трагедия и героизм, 1941–1945 гг. Минск, 2003. С. 146–148.

15 Герхард Мюллер в конце 1942 г. сменил на посту руководителя отдела 4-б полиции безопасности СД в Минске Эриха Люткенхуса (*замечание авт.*).

16 Ицхак Арад. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза, 1941–1945 гг. Москва, 2007. С. 505.

17 Георг Хойзер, род. в 1913 г. в Берлине, с декабря 1941 г. в Минске, начальник 4-го отдела полиции безопасности и СД, организатор, руководитель и исполнитель массовых убийств в Минске и окрестностях. После войны жил в ФРГ, криминалоберкомиссар земли Рейн-Пфальц, арестован (1959), за умышленные убийства приговорен к 15 годам тюремного заключения (1963), амнистирован (1971).

18 Эдуард Штраух, род. 1906 г. в Эссене, с марта 1942 по июль 1943 г. руководитель полиции безопасности и СД, затем в штабе уполномоченного рейхсфюрера СС по борьбе с партизанами. На Нюрнбергском процессе приговорен к смертной казни (1948), которая была заменена на пожизненное заключение (1952). Умер в 1955 г.

19 Герф Эберхард, род. в 1887 в Крефельде, командующий полицией порядка в Беларуси с сентября 1943 до января 1944 г., повешен по приговору суда в Минске 30 января 1946 г.

20 Barbara Epstein. The Minsk Ghetto, 1941–1943 // Jewish Resistance and Soviet Internationalism, London 2008. P. 106.

21 ГАРФ. Ф.7021, оп. 87, д. 123. Протокол следствия военной прокуратуры Минского гарнизона капитана юстиции Семенова об осмотре мест уничтожения людей в окрестностях д. Малый Тростенец, 14–21 июля 1944 г. Ч. 1. Л. 36–42.

22 Тростенец. Сборник документов и материалов. Под ред. Р. А. Черноглазовой и С. В. Жумарь. Минск, 2003. С. 39–40.

23 Артур Гардер, род. в 1910 г. в Франкфурте-на-Майне, гауптштурмфюрер СС, летом 1943 г. прикомандирован в особый отряд «1005», после 1945 г. работал каменщиком, служащим фирмы «Круп-автомобиль» в Франкфурте-на-Майне, предан суду в Кобленце по обвинению в пособничестве убийству (1963), приговорен к 3,5 годам тюремного заключения.

24 Адольф Рюбе, род. в 1896 г. в Карлсруэ, гауптшарфюрер СС, с 1942 по июнь 1944 г. служил в полиции безопасности и СД Минска, отвечал за массовые расстрелы евреев, арестован (1947) и осужден (в 1949) на 15 лет тюремного заключения, освобожден по амнистии (1971).

25 Paul Kohl. Das Vernichtungslager Trostenetz. Dortmund, 2003. S. 77: Из показаний Адольфа Рюбе. 17 декабря 1947 г. Карлсруэ.

26 Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы. Минск, 2003. С. 183.

27 Wegweiser zu ehemaligen judischen Leidensstatten der Deportationen von Hamburg nach Minsk. Hamburg, 1995. P. 61, 62, 64.

28 Генрих Эйхе, родился в 1911 г. в Риге, унтершарфюрер СС, служил в полиции безопасности в Минске. После 1945 г. скрывался в Аргентине. Считается пропавшим без вести.

29 Ридер (Риддер, Рейдер, Риздер, Зайдер), в показаниях свидетелей упоминается как организатор кремации. Специально с этой целью в Тростенец был направлен Гардер с командой «1005». Можно предположить, что это одно и то же лицо: или Ридер – искаженное от Гардер, или сами нацисты называли его рыцарем (Ritter).

30 Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944. Сборник документов и материалов. Под ред. П. П. Липило и В. Ф. Романовского. Минск, 1963. С. 212.

31 НАРБ. Ф. 845, оп. 1, д. 11. Свидетельство от 17 июля 1944 г. Федора Федоровича Божко, бывшего узника концлагеря Тростенец. Л. 40–41.

32 Лагерь смерти Тростенец … С. 189.

33 ГАРФ. Ф. 7021, оп. 87, д. 124. Протокол допроса П. Н. Головача, жителя д. Большой Тростенец Минского района от 19 июля 1944 г. Л. 59–61.

34 Из показаний солдата роты «фольксдойче» об уничтожении массовых захоронений в районе д. Тростенец Минского района от 13 февраля и 9 августа 1943 г. Гамбург, февраль 1968 г. // Уничтожение европейских евреев. Мюнхен–Цюрих, 1989. С. 151–152.

35 Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК СССР) по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков от 19 сентября 1944 г.: Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. IV. Москва, 1959. С. 83–88.

36 ГАРФ. Ф.7021, оп. 87, д. 9. Акт Минской областной комиссии от 13 августа 1944 г. о массовом истреблении советских граждан на территории г. Минска и его окрестностей немецко-фашистскими захватчиками в 1941–1944 гг. Л. 26–34.

37 НАРБ. Ф. 845, оп. 1, д. 6. Акт Барановичской городской комиссии содействия ЧГК СССР о массовом истреблении советских граждан в г. Барановичи и его окрестностях в 1941–1944 гг., 1 января 1945 г. Л.18–28.

38 Шерман Б. П. Барановичское гетто. Колдычевский лагерь смерти. Барановичи, 1997. С. 65.

39 НАРБ. Ф. 3500, оп. 2, д. 8. Заявление от 20 мая 1944 г. С. И. Пилунова, жителя д. Присна Могилевского района начальнику Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинину о сокрытии нацистами следов преступлений с 15 сентября по 4 ноября 1943 г. Л. 211–220.

40 Ицхак Арад. Катастрофа евреев на оккупированных территориях Советского Союза, 1941–1945 гг. Москва, 2007. С. 507.

41 Из допроса Ганса Коха, бывшего начальника полиции безопасности в Орше, Борисове и Слониме, 18 января 1946 г. // Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 г.). Минск, 1947. С. 108–110, 112–113.

42 Karl Loewenstein. Minsk: Im Lager der Deutschen Juden. Bonn, 1961. S. 19, 22, 39.

43 Ботвинник М. Памятники геноцида евреев Беларуси. Минск, 2000. С. 214.

44 ГАРФ. Ф. 7021, оп. 84, д. 3. Материалы ЧГК СССР Л. 17.

45 Часть участников акции «1005» в Витебске была арестована. В 1962 г. земельный суд в Берлине приговорил Фильберта к пожизненному заключению, Шнайдера – к 10 годам. Штрука и Тунната – к 4 годам, Грайфенберга – к 3 годам. Позднее наказание Фильберту смягчили, и он умер не в тюремной камере, а в собственном доме. См.: Рывкин М., Шульман А. Хроника страшных дней. Трагедия Витебского гетто. Витебск, 2004. С. 142–143.

46 Шалом Холавский. В гибельной буре (иврит). Иерусалим, 1988. С. 222–223.

47 Иоффе Э. Белорусские евреи... С. 142–143.

48 Для вскрытия могил и сожжения трупов в зондеркоманду В. Махоля были переведены 40 евреев из тюрьмы по ул. Коминтерн в Гродно.

49 ГАРФ. Ф. 70, оп. 86, д. 40. Свидетельство Александра Алексеевича Владыкина. Л. 3, 9.

50 ГАРФ. Ф. 70, оп. 86, д. 48. Свидетельство Ивана Ивановича Тодрика. Л. 10.

51 НАРБ. Ф. 7021, оп. 86, д. 34. Акт Гродненской областной комиссии ЧГК от 25 июня 1945 г. Л. 13–19.

52 Jan Kershaw. Hitler, 1936–1945. New York–London, 2001. P. 117.

53 Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Вып. 1–2. Москва, 1943–1945.

54 По словам Эрвина Хансана, Штертцингер считался самым «опасным» следователем гестапо в Рогачеве.

55 НАРБ. Ф. 3500, оп. 2, д. 38. Сообщение роттенфюрера СС Э. Хансена из зондеркоманды 7-А о проведении операции «1005» в районе Рогачева, 24 апреля 1944 г. Лл. 431–433.

56 НАРБ. Ф. 861, оп. 1, д. 7. Акт Гродненской городской комиссии от 29 июля 1944 г. Л. 8, 24.

57 Шерман Б. П. Барановичское гетто … С. 66.

58 НАРБ. Ф. 3500, оп. 11-а, д. 4. Телеграмма Н.Ф. Королева заместителю начальника БШПД И. П. Ганенко от 28 октября 1943 г. Лл. 60, 66, 86.

59 Самущев Константин Данилович, командир разведывательной группы на территории Минской области для выполнения специальных поручений БШПД с 1 августа 1943 по 1 августа 1944 г.

60 НАРБ. Ф. 3500, оп. 11а, д. 4. Из донесения партизанских формирований в БШПД о боевой деятельности за октябрь-ноябрь 1943 г. Л. 16.

61 НАРБ. Ф. 3500, оп. 1, д. 4. Разведывательная сводка БШПД № 76 (107) от 30 ноября 1943 г. Л. 529–530.

62 Там же. Д. 856. Л. 272.

63 Розенблюм А. Память на крови. Евреи в истории города Борисова. Петах-Тиква, 1998. С. 63.

64 НАРБ. Ф. 3500, оп. 1, д. 856. Разведывательная сводка БШПД № 14(131) от 26 февраля 1944 г. Л. 491.

65 Корешков Михаил Иванович, командир партизанской бригады им. С.М. Кирова (октябрь 1943 – июнь 1944 гг.).

66 НАРБ. Ф. 3500, оп. 2. д. 8. Радиограмма командования Первой Минской партизанской бригады в разведотдел БШПД от 17 апреля 1944 г. Л. 144.

67 Государственный архив Гомельской области. Ф. 1345, оп. 1, д. 15. Акт Рогачевской районной комиссии содействия ЧГК СССР по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории района в 1941–1943 гг., 15 декабря 1944 г. Л. 1–6.

68 НАРБ. Ф. 249, оп. 5, д. 1174а. Из письма начальнику Главного Архивного Управления при СМ БССР А. И. Азарову об организации выявления документов о преступлениях зондеркоманды «1005» в Беларуси, 25 января 1968 г. Л. 79–80.

[69] Алекс (Алтер) Файтельсон. Непокорившиеся. Летопись еврейского сопротивления. Тель-Авив, 2001. С. 515–517.

[70] Кантор Григорий Менделевич, с 28 августа 1941 г. находился в концлагере по ул. Широкой в Минске, а в мае 1943 г. был направлен в Тростенец.

[71] Фонды Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Н/в 11057. Из стенограммы беседы сотрудников БГМИВОВ с бывшими узниками Тростенецкого лагеря смерти и очевидцами, 31 января 1960 г.

[72] НАРБ. Ф. 845, оп. 1, д. 64. Протокол свидетеля С. И. Савинской от 24 июля 1944 г. Л. 70–73.

[73] Подробный рассказ Пилунова о деятельности зондеркоманды «1005» был процитирован в докладе П. К. Пономаренко на VI сессии Верховного Совета БССР 21 марта 1944 г. // Преступления немецко-фашистских захватчиков Беларуси … С. 140–149.

[74] Центральный Архив КГБ Республики Беларусь (Минск). Уголовное дело Андрея Королевича.

[75] НАРБ. Ф. 4-п, оп. 29, д.5. Информационная записка представителей ЧГК СССР Б. Т. Готцева и В. Ф. Табелева от 17 июля 1944 г. на имя П. К. Пономаренко о необходимости организации расследования преступлений немецко-фашистских захватчиков в окрестностях д. Малый Тростенец. Л. 43–44.

[76] В настоящее время музей БГМИВОВ является единственным в мире местом хранений останков людей, их личных вещей и инвентаря, при помощи которого действовали палачи и могильщики: будка часового, носилки, багры, емкости для горючей жидкости, бревно для сжигания трупов, кости и прах сожженных.

[77] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. В трех томах. Москва, 1946. Т. 1. С. 419.

[78] Советское государство и право накануне и в годы Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.). Москва, 1985. С. 324–325.

[79] Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. Москва, 1991. С. 348.

[80] Там же. Д. 8. Л. 36.

[81] Типпельскирх К., Киссельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб-Москва, 1998. С. 564.

[82] Шарков А. В. Правовые основы уголовной ответственности Вермахта за уничтожение гражданского населения, военнопленных и материальных ценностей на территории Беларуси // Беларусь у выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны: масавыя забойствы нацыстаў. Материалы международной научной конференции 2 июля 2004 г. Минск, 2005. С. 121.

[83] Шарков А. В. Архипелаг ГУПВИ на территории Беларуси, 1944–1951 гг. Минск, 2003. С. 133–135.

[84] 24 человека приговорены к смертной казни, а остальные к каторжным работам на срок от 15 до 25 лет (Архив МВД БССР. Ф. 45, оп. 1, д. 19. Л. 64).

[85] Прошение о помиловании было отклонено. Годы до смертной казни Блобель провел в тюрьме Ландсберга. Повешен 7 июня 1951 г. вместе с другими руководителями полицейских групп: Отто Олендорфом, Эрихом Науманном, Освальдом Полем и Вернером Брауне.